

НАУКА О КИТАЕ

А.Н. Хохлов

ИБ РАН

Академик С.Л. Тихвинский в начале творческого пути.

К 90-летию со дня рождения выдающегося китаеведа

В истории отечественного востоковедения трудно найти столь энергичного и результативного ученого, каким был и остается замечательный китаист С.Л. Тихвинский, продолжающий, несмотря на свой почтенный возраст, удивлять своих коллег и знакомых новыми публикациями по истории и культуре Китая, в том числе созданными с использованием вводимых в научный оборот архивных данных. В кругу своих давних друзей по дипломатическому ведомству он давно известен не только как опытный дипломат, но и как крупный ученый с мировым именем – тонкий знаток китайской культуры в различных ее проявлениях. Его труды являются глубоким исследованием актуальных проблем истории китайского общества и государства в новое и новейшее время, особенно истории взаимоотношений Китая с соседними странами, в особенности с Россией, при маньчжурской династии Цин (1644–1911). Эти работы навсегда вошли в сокровищницу не только отечественной, но и мировой исторической науки (благодаря переводам на иностранные языки), оставив на ее скрижалях заметные следы в виде оригинальных концепций и смелых выводов. Благодаря широте и глубине проработки важнейших проблем истории Китая и их соотнесения с историей стран Европы, Америки и Азии труды С.Л. Тихвинского во многих отношениях уникальны, чему немало способствовало обращение автора к архивным документам и редким ксилографам, привлечшим его внимание в период дипломатической службы в Китае в тяжелые годы антияпонской войны 1937–1945 гг. Живой интерес молодого дипломата из Москвы к китайским историческим сочинениям не мог не импонировать его собеседникам – китайским ученым, с которыми ему приходилось общаться по линии пропаганды достижений советской культуры. Интересно, что о достоинствах С.Л. Тихвинского как китаиста

© Хохлов А.Н., 2009

впервые печатно заявил видный китайский ученый, писатель и общественный деятель Го Мо-жо (1891/2–1978), которому довелось близко познакомиться с талантливым и любознательным дипломатом по приезду в Москву в 1945 г. для участия в юбилейных торжествах Российской академии наук по случаю ее 225-летия. Свои впечатления о молодом китаисте-дипломате, явно тяготевшем к научным занятиям, Го Мо-жо изложил в книге «Сулянь цзисин» («Поездка по Советскому Союзу»), изданной в Шанхае в 1946 г., выдержки из которой в русском переводе приводятся нами ниже по варианту, сохранившемуся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)¹.

Описывая приезд в Москву (25 июня) после длительного путешествия, китайский гость упомянул среди лиц, встречавших его на аэродроме, своего давнего знакомого по Китаю следующим образом:

«Здесь был [и] г-н Тихвинский, мой старый друг по Чунцину, который теперь служит в Министерстве Иностранных дел. *Он прекрасно владеет китайским языком*» (здесь и далее курсив мой. – А.Х.).

Рассказывая далее о поездке в Ленинград, в которой его сопровождал С.Л. Тихвинский, Го Мо-жо привел свои впечатления от осмотра города, пережившего тяжелую блокаду в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: «После обеда г-н Тихвинский предложил мне отправиться в город, и я с радостью принял его предложение... Ленинград расположен на р. Неве, которая разделяет город на три части... Великий город перенес мучительные времена блокады и, как мне рассказали, в нем только от голода погибло около 700 тыс. людей.

Г-н Тихвинский – ленинградец, он [очень] любит свой город. Хотя я не ленинградец, но и я полюбил этот город-герой». Касаясь завершения своего визита в город на Неве, Го Мо-жо пишет: «Перед отъездом в Москву г-н Тихвинский сказал мне, что он должен поехать к отцу проститься. Я попросил г-на Тихвинского разрешить мне познакомиться с бытом [какой-либо] советской семьи². Домик семьи Тихвинского расположен на тихой улице. Когда мы подъехали к нему, к машине подошла группа [детворы] из 7–8 ребятишек... К иностранцам они не чувствуют никакого презрения.

Отец г-на Тихвинского довольно высокого роста, по профессии врач. Во время войны он был военным врачом и никуда из Ленинграда не выезжал. Принял он меня весьма любезно. На стенах квартиры [сохранились от войны] следы осколков снарядов. Хотя я уже обедал в гостинице, мне пришлось немного закусить в доме Тихвинского, выпить вина и кофе. Мадам Тихвинская [Вера Никитична] очень любезно угощала меня [за столом] и приготовила мне в дорогу завтрак, так как сегодня мы отправлялись в Москву. Ровно в 8 час. вечера поезд “Красная стрела” отошел от Московского вокзала.

29 июня. Ночь в поезде прошла спокойно. В 8 час. утра г-н Тихвинский уже был на ногах, успев [до меня] покончить с утренним туалетом. *Г-н Тихвинский – большой знаток истории и внешней политики Китая.*

Он готовит диссертацию “Внешняя политика Сунь Ят-сена”. После ее защиты он получит степень кандидата исторических наук.

Вечером мы с г-ном Тихвинским по приглашению Академии Наук пошли в Большой театр... Я сидел в передней части ложи с академиком [В.М.] Алексеевым... [На сцене Большого] выступали солист балета Мессерер и звезда балета... Лепешинская...

5 июня. В 11 час. я посетил ССП (Союз советских писателей). Меня попросили написать статью о моих впечатлениях [об СССР]... Затем мы с Тихвинским занимались проверкой перевода моего доклада, [подготовленного для Института истории]. Мне хочется отметить, что *Тихвинский прекрасно пишет по-китайски*, что редко дается иностранцам. Хотя он очень мало жил в Китае, *в сравнительно короткий срок* [благодаря способностям к иностранным языкам] *ему удалось так хорошо изучить китайский язык*.

В 4 час. 40 мин. вместе с Тихвинским я отправился в Институт истории... [В своем выступлении] я остановился главным образом на истории сопротивления Японии (*Кан-жи*) (т.е. японо-китайской войны 1937–1945 гг.), а также на истории крестьянского движения в Китае... Я читал свой доклад по оригиналу, а Тихвинский вслух переводил с [заранее подготовленной им] русской копии [доклада]. Слушателей было около 40 чел. Моим докладом остались довольны как будто все»³.

О том, как изначально сложился жизненный и творческий путь будущего академика, позволяет судить автобиография, написанная им 16 мая 1966 г., из которой приводим для краткости следующие сведения:

«Я, Тихвинский Сергей Леонидович, родился 1 сентября 1918 г. в г. Ленинграде (Петроград) в семье врача. Окончил четыре курса филологического факультета Ленинградского государственного университета (китайское отделение) в 1938 г. и с 5 курса по комсомольскому набору был направлен на работу в МИД СССР, где проработал до июня 1947 г., последовательно занимая должности переводчика, вице-консула в г. Урумчи (Зап. Китай), 2-го секретаря Посольства СССР в Чунцине (Китай), генерального консула СССР в Бэйпине (Пекин), советника Посольства СССР в Англии, главы представительства СССР в Японии, советника-посланника Посольства СССР в Японии...

В июне 1957 г. по решению ЦК КПСС был направлен на работу во вновь созданный Государственный Комитет по культурным связям с зарубежными странами при С[овете] М[инистров] в качестве заведующего отделом соц[иалистических] стран Азии. С января 1960 г. ... направлен на работу в Академию Наук СССР директором Института китаеведения. С марта 1961 г., после слияния Института китаеведения с Институтом востоковедения и образования Института народов Азии АН СССР – зам. директора указанного института.

С апреля 1964 г. по решению ЦК КПСС назначен заведующим Отделом истории (Отдел по Китаю) Института экономики мировой соц. системы АН СССР и заместителем директора данного института.

17 декабря 1965 г. по решению ЦК КПСС направлен на работу в МИД СССР в качестве заведующего Отделом Азии Управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД СССР и работаю в данной должности по настоящее время».

Возвращаясь к более раннему периоду своей деятельности, связанному с получением востоковедного образования и обучением в заочной аспирантуре, С.Л. Тихвинский в той же биографии, написанной в мае 1966 г., приводит о себе следующие данные:

«В 1941 г. окончил экстерном китайское отделение Московского института востоковедения. В 1943 г. поступил в заочную аспирантуру по Тихоокеанскому институту АН СССР. 30 июля 1945 г. защитил в Институте истории АН СССР диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 22 июня 1953 г. в Институте востоковедения АН СССР защитил докторскую диссертацию.

С сентября 1957 г. по совместительству стал работать ст.н.с. Института китаеведения АН СССР. 1 августа 1958 г. утвержден в ученом звании „Старший научный сотрудник“ по специальности „Новая история Китая“. С 1958 г. стал по совместительству вести преподавание в Московском государственном институте международных отношений при МИД СССР, где вел курсы „Истории стран Востока“, „Новой и новейшей истории социалистических стран“, „Всеобщей истории“ (в новое время). 21 октября 1959 г. утвержден в ученом звании профессора по кафедре истории стран Востока и в течение трех лет возглавлял указанную кафедру. В настоящее время по совместительству с основной работой в МИД СССР работаю ст.н.с. Института народов Азии, руководжу работой группы по новой истории [Китая]».

О проблематике научных занятий С.Л. Тихвинского в начальный период его исследовательской работы он упоминает в автобиографии, написанной 17 июля 1957 г.:

«В 1945 г. защитил в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию на тему: „Принцип Сунь Ят-сена „национализм“ и его внешняя политика“ (научный руководитель проф. Г.Н. Войтинский). В 1945 г. поступил в заочную докторантуру АН СССР, но в 1948 г. был отчислен, т.к. находился в заграничной командировке. В 1953 г. защитил докторскую диссертацию в Институте востоковедения АН СССР на тему: „Движение за реформы в Китае в конце XIX века“ (научный руководитель акад. В.М. Алексеев)».

Об активной общественно-политической деятельности С.Л. Тихвинского в 50–60 годы, как видно из сообщенных им в 1960 г. сведений, позволяют судить указанные ниже статьи в советской и китайской периодической печати, посвященные важнейшим вопросам внешней политики СССР: 1) Расцвет советско-китайских культурных связей. – «Гуанмин жибао», 2.11.1959; 2) Славное десятилетие (к 10-летию советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи). – «Дагунбао», 12.2.1960; 3) Культурное сотрудничество двух великих наций. – «Moscow news»,

13.2.1960; 4) Любимый журнал советских людей. – «Советско-китайская дружба», 12.2.1960; 5) Дорогами дружбы. – «Правда», 23.11.1960 и др.⁴.

К маю 1966 г. С.Л. Тихвинским, по его словам, было опубликовано около 100 научных работ при его активном участии в международных научных конференциях, посвященных проблемам востоковедения, в том числе в XXIII, XXV и XXVI международных конгрессах востоковедов в Кэмбридже (1954), Москве (1960) и Дели (1964). Авторитетный исследователь-китаист достойно представлял отечественную китаистику на XI и XII конгрессах историков в Стокгольме (1965), на VII (Дарем, 1954), XI (Падуя, 1958), XVI (Бордо, 1964) и XII (Лидс, 1965) конференциях по проблемам китаеведения.

С учетом серьезного вклада С.Л. Тихвинского в развитие китаеведения Академия наук СССР избрала его 25 ноября 1968 г. членом-корреспондентом по отделению истории, чему предшествовала широкая активная поддержка данной кандидатуры ведущими учеными многих научных подразделений востоковедного профиля (академических институтов и вузов), в том числе Института народов Азии, Института Дальнего Востока, Института восточных языков при МГУ и др.⁵

Поистине огромен и велик отряд соискателей ученых степеней – докторов и особенно кандидатов, диссертации которых были внимательно просмотрены и одобрены С.Л. Тихвинским в качестве официального оппонента. Его конкретные замечания впоследствии легли в тексты книг, написанных на основе защищенных диссертаций. К сожалению, этот огромный, титанический труд до сих пор не учтен ни биографами, ни библиографами маститого ученого, как и его некоторые публикации в отечественной и зарубежной прессе, о которых порой можно найти сведения, лишь роясь в архивной пыли.

Всегда строгий и требовательный к себе, С.Л. Тихвинский весьма доброжелательно относился к своим коллегам, какого бы возраста они ни были. Об этом позволяет судить, например, такой факт: когда в 1979 г. не стало Л.И. Думана, Сергей Леонидович оказался единственным человеком, направившим семье востоковеда-ветерана телеграмму с выражением соболезнования, причем дал ему высокую оценку, считая не только настоящим коммунистом в общественной жизни, но и исследователем-марксистом в трактовке проблем древней и средневековой истории Китая⁶. В таком отношении Сергея Леонидовича к себе и окружающим его коллегам, похоже, проявился пример следования им совету Конфуция: «Будьте строги к себе и снисходительны к другим».

Для С.Л. Тихвинского весьма характерна скромность при упоминании о проводившейся им общественной работе, как это видно, например, из автобиографии от 18 мая 1966 г.:

«Общественная работа: зам. Председателя правления Общества советско-китайской дружбы, вице-президент Общества Япония–СССР, член Комитета “Восток-Запад” при советской комиссии по делам ЮНЕСКО»⁷.

Особенно торжественно и ярко прошел в 1998 г. юбилей С.Л. Тихвинского по случаю его 80-летия. Этому событию были посвящены собрания

научной общественности, публикации ведущих китаеведов о его творчестве, в котором органично переплелись научная деятельность с практической работой, нацеленной на укрепление дружеских связей России с Китаем. Для характеристики отношения к юбиляру его учеников достаточно указать на приводимый ниже текст послания, составленного в Отделе Китая (за подписью директора ИВ РАН Р.Б. Рыбакова):

«Глубокоуважаемый Сергей Леонидович!

По случаю Вашего 80-летия руководство и коллектив Института востоковедения РАН сердечно поздравляет Вас, патриарха отечественного китаеведения, со славным юбилеем, к которому Вы пришли в полном расцвете творческих сил. Ваши успехи в многогранной деятельности на благо России и ее науки столь значительны и осязаемы, что вызывают истинное восхищение, особенно если учесть трудности, встретившиеся людям вашего поколения на жизненном пути. Ваши достижения на дипломатическом поприще и в области востоковедения немыслимы без огромного кропотливого труда и постоянного поиска, освященных горячим стремлением жить и работать ради светлых идеалов социальной справедливости и гармонии в обществе. Умелое сочетание дипломатической деятельности с научной работой благодаря Вашей высокой ответственности к исполнению порученного дела и завидному трудолюбию, множенным на серьезные познания в области истории и филологии Китая, позволило Вам стать не только опытным дипломатом, но и авторитетным ученым в области китаеведения. Обретенная уже в молодые годы привычка внимательного наблюдения за событиями, происходящими на Дальнем Востоке, и творческий подход к истолкованию сюжетов, взятых из китайской истории, обеспечили Вам создание целого цикла оригинальных научных трудов, обогативших отечественную науку. Если отвлечься от Ваших ранних переводов произведений современной китайской классики (Лу Синя и др.), первой ласточкой в области исторических штудий можно считать Вашу фундаментальную работу „Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй“ (М., 1959), впоследствии Вами переизданную с существенными дополнениями. Опубликованная Вами через пять лет (в 1964 г.) книга, посвященная анализу внешнеполитических воззрений известного китайского революционера Сунь Ят-сена, окончательно закрепила за Вами репутацию серьезного исследователя, которому в научной разработке актуальных тем немало помогал личный опыт дипломата.

Сотрудникам Отдела Китая ИВ РАН особенно дороги и памятны Ваши ценные указания как отв. редактора в период подготовки коллективной монографии под названием „Новая история Китая“. Этот труд вышел в свет в 1972 г. при Вашем деятельном участии в его написании и редактировании. „Новая история Китая“ была переведена на иностранные языки (английский, венгерский, польский и др.) и вместе с другими книгами, написанными Вами и Вашими коллегами, явилась настольной книгой для многих сотен студентов, избравших востоковедение своей специальностью.

Поистине велика Ваша роль в подготовке и пестовании новых кадров востоковедов, о чем может свидетельствовать не только большое число подготовленных Вами аспирантов, но и Ваше профессионально безупречное оппонирование работ диссертантов, в т.ч. соискателей докторской степени.

Ваша необычайно плодотворная публикаторская деятельность поражает и строгостью концепций, и многообразием жанров, о чем свидетельствуют, например, Ваши книги мемуарного характера, столь необходимые ныне молодому поколению нашей страны, переживающей после дезинтеграции СССР не лучшие времена. Сейчас, когда новые финансовые трудности с особой силой обрушились на Россию, особенно на ее культуру и науку, Ваш пример труженика отечественной синологии, выпускающего книгу за книгой, статью за статьей, особенно ценен и заслуживает самой высокой похвалы, ибо это дает вашим коллегам новый действенный стимул к повышению творческой активности. Поэтому Ваш юбилей для нас, востоковедов и особенно китайцев, это большой праздник, зовущий к новым свершениям в области востоковедной науки. Ваш же пример самоотверженного служения отечеству и науке не может не вызвать восхищение у всякого, кого ныне беспокоит судьба нашей страны и будущее ее науки.

Нынешнее поколение россиян (особенно востоковеды) в высшей степени благодарны Вам, Сергей Леонидович, за Вашу многолетнюю неутомимую общественно-политическую деятельность в качестве Председателя Правления Общества советско-китайской дружбы, которая неизменно и последовательно была направлена на укрепление дружеских связей России с Китаем. Эта задача была завещана нам известными деятелями русской культуры и науки, которые еще до Октября 1917 г. хорошо понимали значение этих связей для обоих соседних государств. В этом плане глубоко символично заявление газеты „Владивосток“ по случаю наметившегося сближения позиций России и Японии после русско-японской войны 1904–1905 гг. в августе 1907 г. Эта газета в связи с новым русско-японским соглашением писала: „Если нам важна дружба Японии, если для нас необходимо закрепить наши мирные с ней отношения, то *еще важнее для нас дружба с Китаем и укрепление тех мирных отношений к этой державе, которые всегда составляли нашу традиционную политику на Дальнем Востоке*“.

Руководствуясь исторической традицией и сознавая всю меру ответственности за работу столь важной общественной организации, какой являлось Общество советско-китайской дружбы, Вы, Сергей Леонидович, всегда находили в сердцах россиян, особенно востоковедов, понимание и поддержку в Вашей благородной миссии поддержания дружбы и сотрудничества между народами наших двух стран, вопреки всему тому, что могло вести к взаимному недоверию и конфронтации. Поэтому мы отдаем дань уважения Вам не только как крупному разностороннему ученому, но и видному общественному деятелю, видя в Вас прекрасный образец ревностного служения своему отечеству и своему народу. На

пороге XX столетия, когда Азиатско-Тихоокеанский регион начинает играть все более весомую роль в международной жизни, весь коллектив Института востоковедения РАН искренне желает Вам „беспредельного долголетия“ („ваньшоу уцзян“) и ожидает от Вас новых творческих свершений на ниве отечественной науки». (Публикуемая копия цитируемого документа найдена среди бумаг Отдела Китая, предназначенных к уничтожению по соображениям пожарной безопасности.)

На фоне многих публикаций, появившихся по случаю юбилея С.Л. Тихвинского, особенно интересно выступление в журнале «Проблемы Дальнего Востока» (№ 5, с. 156) М.Л. Титаренко (тогда – члена-корреспондента РАН, а ныне академика), который, в частности, отметил: «Акад. С.Л. Тихвинский – признанный патриарх отечественного китаеведения, один из лидеров школы российских востоковедов. За 60 лет научной деятельности им опубликовано свыше 500 научных работ... *Его деятельность на протяжении многих десятилетий была и остается примером сочетания науки и практики, активного служения отечеству...* Свое 80-летие Сергей Леонидович встречает за рабочим столом, полный творческих сил и планов... Многолетний привычный ритм напряженной научной работы не нарушается ни юбилеями, ни другими событиями».

Изданием в свет в 2006 г. избранных произведений в пяти томах С.Л. Тихвинский убедительно подтвердил сказанное о нем выше, чем доказал свою неукротимую целеустремленность и необычайную работоспособность – при выполнении массы других дел научного и общественного характера, включая сюда успешно руководимый им в течение нескольких лет семинар Ассоциации китаеведов РАН в Институте Дальнего Востока РАН, где подробно рассматриваются актуальные проблемы современного развития КНР на основе собранных там специалистами свежих материалов по истории, экономике и культуре.

Свое 90-летие Сергей Леонидович отметил публикацией новой книги «Восприятие в Китае образа России» (М., 2008). С ее основными положениями и выводами автор кратко познакомил научную общественность Москвы и С.-Петербурга на презентации книги в Китайском зале Института Дальнего Востока РАН, не вместившем многочисленных гостей, пожелавших присутствовать на этом замечательном мероприятии. Как отмечали в своих выступлениях участники, и, в частности, директор ИДВ РАН акад. М.Л. Титаренко, в упомянутом труде намечены новые подходы к решению ряда актуальных, вызывающих разноречивые трактовки в КНР и за рубежом вопросов истории русско-китайских отношений, начиная с Нерчинского договора 1689 г. и до наших дней.

Новая книга ветерана отечественного востоковедения – яркое свидетельство неувядаемой работоспособности ученого, ломающей привычные представления о возможностях творческой работы в солидном возрасте – убедительный аргумент в подтверждение правильности известной поговорки «терпение и труд все перетрут», как нельзя лучше применимой к оценке творческой деятельности Сергея Леонидовича с первых его шагов по стезе китаеведа.

О тесном взаимодействии С.Л. Тихвинского с творческой молодежью на различных этапах биографии ученого указывает подготовленный его учениками, коллегами и друзьями солидный по объему и содержанию сборник статей под названием «Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского» (М., 2008), прекрасно изданный в серии «Памятники исторической мысли».

Думается, что ветеранам-китаистам вполне понятна причина феноменального творческого успеха С.Л. Тихвинского в последнее десятилетие. В его основе лежат два фактора – целеустремленность в научной работе и ясность авторской позиции в трактовке и освещении того или иного вопроса. Что же касается нынешней, молодой поросли отечественного китаеведения, ставшей на путь научного поиска в рамках учебных программ вузов либо аспирантуры, то ее безусловно интересует вопрос о том, каким путем пришел будущий академик-китаевед к столь высоким достижениям в области исторической науки. Об истоках триумфального шествия С.Л. Тихвинского к высотам большой науки, особенно китаистики, отчасти позволяют судить приводимые ниже в приложении его письма к акад. В. М. Алексееву, ставшего мудрым советником и опытным наставником для преуспевающего молодого дипломата, оказавшегося в Китае в наиболее интересный период его истории, связанный с исключительно трудной антияпонской войной 1937–1945 гг. и последующим крахом в стране гоминьдановского режима в результате наступательных действий руководимой коммунистами Народно-освободительной армии. Как известно, эта вооруженная борьба КПК с Гоминьданом привела к мирному освобождению Пекина, где 1 октября 1949 г. было торжественно провозглашено образование Китайской Народной Республики, получившей вскоре официальное признание со стороны правительства СССР, в соответствующей ноте, переданной генеральным консулом в Пекине С.Л. Тихвинским руководителям нового Китая.

*Письма С.Л. Тихвинского академику В.М. Алексееву*⁸

1. (3 октября 1943 г.). Москва

Уважаемый Василий Михайлович!

Перед отъездом из Москвы Н.Т. Федоренко⁹ просил меня передать Вам книгу Го Мо-жо, полученную из Китая. Прошу извинить меня за то, что не смог передать ее Вам раньше, так как еще до начала сессии я выехал в служебную командировку в г. Горький (ныне Нижний Новгород) и возвратился лишь вчера утром...

Очень сожалеею, что не удалось встретиться лично. *Хотя уже пять лет мне приходится работать в области оборонной промышленности, но до сих пор во мне не угасла заложенная Вами любовь к синологии. Питаю надежду, что после войны удастся вновь вернуться к любимой науке.*

Уважающий Вас Ваш бывший ученик С. Тихвинский.

2. 17 февраля 1946 г. Бэйпин (Пекин)
Многоуважаемый Василий Михайлович!

Только что получил с диппочтой Ваше любезное письмо от 26-го ноября прошлого года, в котором Вы даете мне крайне интересное задание по

участию в составлении [китайско-русского академического] словаря. Все Ваши указания, изложенные в письме, я с радостью принимаю и надеюсь выслать Вам со следующей почтой свою небольшую лепту в то огромной важности дело, которое делаете лично Вы и руководимый Вами коллектив синологов. Боюсь, однако, что следующая почта будет не раньше мая месяца, а словарь к тому времени будет уже подписан в печать. Тем не менее эта работа не пропадет и может быть использована в дальнейшем.

С этой почтой в Ваш адрес через ВОКС (Всесоюзное Общество культурной связи с заграницей) я посылаю несколько китайских книг по вопросам тангутских и аньшаньских раскопок, а также книгу Пратта «Англия и Китай». Кроме того, посылаю пачку местных газет в надежде, что они не будут лишними в [Китайском] кабинете [ИВ АН СССР].

Местный французский синологический центр за годы войны приготовил и издал немало ценных книг, каталог которых я направил через ВОКС в Ваш адрес. Второй экземпляр каталога-проспекта публикаций это[го] центра я через ВОКС направил в адрес ИВАН'а (Института востоковедения АН СССР). Прошу Вас по получении проспекта отметить книги, которые могли бы Вас [за]интересовать. Я постараюсь выслать эти книги Вам.

О своей работе над диссертацией пока особо похвастать не могу. Сейчас я разыскал в этом городе дочь Кан Ю-вэя и одного его ученика, через которых собираю [нужные для диссертации] документы. К сожалению, после японцев осталось не очень-то много китайских книг. В ближайшие дни собираюсь засесть за «Да-тун шу», но пока еще приходится заниматься [этим] урывками, т.к. очень много основной работы [по службе].

Постепенно из глубинных районов в Бэйпин возвращается [китайская] профессура. Некоторые профессора, в том числе и директор Национальной библиотеки Юань [Тун-ли], выехали в США по приглашению американских университетов. Юань [Тун-ли] на обратном пути очень хочет навестить Вас¹⁰.

При японцах в Бэйпине работало три иностранных научных института: Фужэньский университет, франко-китайский синологический центр и немецкий институт. Все они сохранили свои книжные фонды в целости. К следующей почте я подготовлю краткое сообщение о деятельности указанных трех институтов за годы [антияпонской] войны, которое вышлю Вам.

Библиотека [Пекинской] духовной [православной] миссии хотя и уцелела, но совершенно не имеет китайских фондов. Нельзя ли направить сюда в командировку кого-либо из аспирантов ИВАН'а для библиографического описания этой библиотеки? Сейчас я разыскиваю Широкогородские книги¹¹, разграбленные японцами. *Много книг осталось и после [Я.Я.] Брандта, скончавшегося в конце января в Бэйпине*¹², но неизвестно, как поступит с этими книгами его вдова. Со смертью Брандта в Бэйпине не осталось [почти] ни одного русского сиолога. В [духовной] миссии никто не знает даже разговорного [китайского] языка.

Простите меня, Василий Михайлович, за столь краткий и поверхностный обзор местной [научной] жизни, но я постараюсь приготовить обещанное сообщение к следующей оказии.

Ваш С. Тихвинский.

[P.S.] Прошу передать мой сердечный привет [Вашей супруге] Наталии Михайловне. Б.И. Панкратов¹³ недавно приехал сюда и шлет Вам привет.

3. 16 июля 1946 г. (Пекин)

Многоуважаемый Василий Михайлович!

Очень благодарен Вам за Ваши любезные письма от 25 и 9 мая, которые я получил с этой почтой. Посылаю через ВОКС список 500 с лишним новых слов и выражений, которые я смог за это короткое время подобрать. Боюсь, что большинство этих терминов, видимо, уже есть в [Вашем] словаре. Кроме того, посылаю комплект тяньцзиньского издания [газеты] «Дагунбао» за апрель–июнь с.г. (также через ВОКС в адрес Китайского кабинета) с тем, чтобы сотрудники [Вашей группы] словаря могли бы проверить современную лексику по этим свежим материалам.

Сейчас в университетских и прочих кругах наступило летнее затишье, но с осени открываются Бэйпинский университет и Яньцзиньский, ректор которого д-р Лейтон Стюарт на днях назначен американским послом в Китае. Он собирается с осени возобновить в Яньцзине преподавание русского языка, а также планирует ввести курсы лекций по русской истории и литературе.

Работа над Кан Ю-вэем продвигается весьма медленно, т.к. последние восемь месяцев я был здесь за старшего и только с осени смогу больше времени уделить подготовке диссертации.

К следующей почте я подготовлю для Китайского кабинета краткую монографию об учении Кан Ю-вэя о «великом единении», т.е. развитие конфуцианской философии «Да-тун» в его работе «Да-тун-шу», относящейся к 70-м годам прошлого столетия.

Согласно указаний, полученных от Вас перед моим отъездом, основной упор в диссертации я собираюсь сделать на проблемах интерпретации Кан Ю-вэем конфуцианской философии и применения ее к тем новым условиям жизни, в которых Китай оказался к концу XIX века.

К сожалению, пришлось временно прервать работу над ознакомлением с архивами Кан Ю-вэя, хранящимися у его дочери, ввиду серьезной болезни последней.

Книжный рынок сейчас исключительно обеднел, а цены на книги, не говоря уже о ценах на обычные житейские блага, стоят катастрофические. Разница жизненного уровня 1937 и 1946 гг. невообразима. Индекс цен за эти годы возрос на 4000. Дальше так вряд ли может продолжаться без каких-либо принципиальных изменений в стране.

Борис Иванович П[анкратов] пишет, что наша доля участия в работе над [Вашим] словарем, по всей вероятности, выльется в форму редактирования здесь, на месте, русско-китайского словаря, который ВОКС намечает заказать в Б-не (Бэйпине). Если это предложение пройдет, то дубликаты всех карточек нами будут направляться в Китайский кабинет ИВАН'а.

Было бы крайне желательно, если бы Вы, со своей стороны, могли бы повлиять на решение ВОКС'а организовать издание словаря именно в Пекине, а не в Шанхае, Нанкине или Ханькоу.

Пользуясь случаем, шлю привет всему Вашему уважаемому семейству.
Ваш ученик С. Тихвинский.

P.S. Нового издания «Цыхая» (Китайского толкового словаря) за время [антияпонской] войны не было, равно как и других словарей. Вообще книжных новинок на рынке нет. Все сидят и ждут вот-вот начала светопреставления. Культурная жизнь сейчас почти замерла.

4.

1 марта 1947 г.

Уважаемый Василий Михайлович!

Посылаю Вам сегодня в адрес института свой отчет о ходе работы над диссертацией и китайские военные термины, переписанные из китайско-английского разговорника, который мне случайно удалось на некоторое время получить (всего 4869 слов и терминов).

Прошу Вас не отказать в любезности выслать мне все Ваши указания по отчету о работе над диссертацией, т.к. вряд ли мне удастся вернуться домой раньше конца года. Сейчас я работаю над второй главой темы, и мне хотелось бы как можно скорее получить Ваши замечания и советы относительно того, правильно ли построен план работы и может ли диссертация представлять какой-либо интерес в намеченных формах (аспектах).

К числу трудностей работы над темой в первую очередь, к сожалению, придется отнести недостаток времени, т.к. основное время занимает служебная деятельность. Преимущества же моего нынешнего положения – [благоприятная] среда, доступность первоисточников – только повышают те требования, которые Вы можете ко мне предъявить, и отнюдь не отражают основной недостаток – дефицит времени, свободного для серьезной и систематической работы.

Сейчас, когда я почти полностью закончил сбор литературы и иных материалов для написания диссертации, мне кажется, что моя работа при Китайском кабинете под Вашим руководством и наблюдением была бы несравненно полезнее, чем то, что я делаю здесь. Остается только надеяться на то, что удастся вернуться домой к концу года и поступить на работу в ИВАН. Пока же это нереально. [Поэтому] прошу Вас не отказать в любезности и помочь мне Вашими указаниями на расстоянии.

Ваш ученик С. Тихвинский

5.

21 апреля 1948 г.

Глубокоуважаемый Василий Михайлович!

Прошу Вас простить за мое молчание в течение последних месяцев. Был очень занят и спешил поскорее закончить первую часть диссертации, которую в виде монографии, озаглавленной: «Ранние философские взгляды Кан Ю-вэя. Китайская теория социальной утопии конца XIX в.», направляю в трех экземплярах в Ваш адрес через МИД. Одновременно посылаю один экземпляр работы Кан Ю-вэя «Да-тун шу» («Книга о великом единении»), которая легла в основу монографии.

В настоящее время, несмотря на увеличение работы в Генконсульстве, продолжаю писать вторую часть диссертации: «Теоретическая и практическая деятельность Кан Ю-вэя до прихода реформаторов к власти в 1898 г.».

Так как я не знаю, когда смогу приехать в Ленинград и лично доложить Вам о ходе своей [научной] работы, прошу Вас по ознакомлении с посланной рукописью написать мне о всех Ваших замечаниях и указаниях.

Борис Иванович [Панкратов], наверное, доложил Вам о нашем житье-бытье. Прошу Вас, Василий Михайлович, смело присылать нам все Ваши заявки на книги и справочные материалы, т.к. и я, и мои коллеги по работе желаем, чем можем, помочь Китайскому кабинету ИВАН'а.

В ожидании Вашего ответа остаюсь Ваш недостойный ученик С. Тихвинский.

P.S. У нас в газетах промелькнуло сообщение о какой-то научной сессии по дальневосточной филологии. Нельзя ли получить подробные материалы этой сессии? *Интерес к нашим научным работам в этой области здесь очень велик.*

6.

15 июня 1948 г.

Здравствуйте, Василий Михайлович!

Почти четыре месяца тому назад я направил Вам на Ваш критический строгий суд первую часть своей диссертационной работы. Надеюсь, что Вы получили ее в целости и сохранности и что вскоре я получу от Вас указания по дальнейшей работе над [избранной] темой.

В настоящее время я вчерне закончил вторую часть работы и тружусь над последней, завершающей частью.

Борис Иванович Панкратов, наверное, доложил Вам о моем житье-бытье. Мои надежды на возвращение в течение этого лета или осени за последнее время стали еще более далекими от осуществления. Видимо, выберусь отсюда не раньше, чем в ноябре–декабре, и то, по всей вероятности, только в командировку. Очень хотелось бы закончить к этому времени работу над диссертацией и представить ее в законченной форме на Ваш суд.

На днях у нас здесь гостил Н.Т. Федоренко (перед своим отъездом в Москву). Накупил два чемодана всевозможных книг, в том числе кое-что и для Вас¹⁴. Здесь еще можно случайно достать кое-что из старых книг. Новые же лучше покупать на юге. Недавно у меня на обеде были Ма Хэн¹⁵ и Юань [Тун-ли]. Оба спрашивали о Вас и передавали Вам большой привет.

По случаю наступления жары жизнь в нашем древнем городе становится сонно-монотонной. По радио слышал, что и в Ленинграде стоит жаркое лето. Вот бы сюда перевести холодную Неву!

Осматривали с Николаем Трофимовичем [Федоренко] все знаменитые места и почти везде вспоминали о Вас, сожалея, что Вас нет с нами. Видимо, этим историческим местам осталось уже стоять на месте не так долго: все мало-мальски движимое [толстосумы] начинают переводить на юг.

При личной встрече с Вами смогу рассказать более подробно о положении в этих краях.

В ожидании Ваших указаний остаюсь уважающий Вас С. Тихвинский.
P.S. С Н.Т. [Федоренко] послал Вам немного чаю и курительных свечей.

7. 4 июля 1949 г., Бэйпин

Многоуважаемый Василий Михайлович!

После длительного перерыва, вызванного осадой города [войсками] НОА (Народно-Освободительной Армии) и последующими событиями, я получил, наконец, возможность ответить на последнее Ваше письмо от 10 сентября 1948 г.

Как говорят, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Хотя вся моя работа вчерне уже закончена, я не успел еще окончательно отредактировать и отпечатать последнюю, третью, часть и посылаю с этой почтой на Ваш суровый суд только вторую часть диссертации. Собственно говоря, третья часть работы является своеобразным резюме первых двух частей и представляет чисто исторический, но не синологический интерес, чего я не решаюсь сказать про первую и особенно вторую части.

Судя по складывающейся в Китае обстановке, в августе следует ожидать создание коалиционного правительства. Таким образом, мои личные шансы на возвращение домой растут, и я надеюсь лично вручить Вам последнюю часть своей диссертации в октябре–ноябре с.г.

При встрече я лично расскажу о событиях в Бэйпине. На днях я видел Го Мо-жо, который просил передать Вам привет. Он сейчас занят на Всекитайском съезде работников культуры, на котором председательствует. Он очень сожалеет, что в бытность свою в Москве в начале мая он не мог оторваться от делегации, чтобы съездить к Вам в Ленинград. Он надеется, что ему удастся приехать в Советский Союз в конце 1949 – начале 1950-го, и он хотел бы подольше задержаться в Ленинграде и [по]общаться с Вами.

Из других Ваших знакомых встречаю только Ма Хэна. Он по-прежнему возглавляет музей Гугун, только стал слабее зрением. Юань [Тун-ли] уехал в Америку и, судя по всему, вряд ли скоро вернется обратно.

Василий Михайлович! Сейчас здесь можно очень дешево купить классическую литературу как по философии и истории, так и по литературе. Было бы крайне желательно получить Вашу заявку до моего отъезда на Родину с тем, чтобы я мог приобрести здесь интересующие Вас и ИВАН книги.

С наилучшими пожеланиями

Ваш С. Тихвинский

P.S. Я был бы очень обрадован получить от Вас хотя бы одно письмо после десятидневного перерыва. Надеюсь, что Ваше здоровье по-прежнему отличное.

8. 7 марта 1950 г.

Уважаемый Василий Михайлович!

Надеюсь скоро лично увидеть Вас и доложить о работе над диссертацией, которая полностью закончена. Сейчас же, пользуясь оказией,

направляю Вам обещанные списки вывесок пекинских улиц на пяти страницах. Буду очень рад, если они Вам пригодятся. Остаюсь в ожидании встречи с Вами.

Уважающий Вас С. Тихвинский.

P.S. Третью (и последнюю) часть диссертации привезу с собой в Ленинград в начале-середине апреля месяца.

9. 28 июля 1950 г.

Месяц тому назад, 19 июня, приехав на один день в Ленинград, я безуспешно пытался найти Вас в Институте востоковедения и у Вас на квартире. К сожалению, я был крайне ограничен во времени и не смог встретиться с Вами.

Как Вам, наверное, передавал [В.П.] Илюшечкин¹⁶, я с семьей вернулся, наконец, домой после пятилетней командировки. Вопрос о моей дальнейшей работе будет решен [в] МИД СССР после возвращения из отпуска тов. Вышинского (министра иностранных дел). Сейчас я сам нахожусь в отпуску и живу с семьей на даче под Москвой. На днях я получу на таможене свой багаж и незамедлительно перешлю Вам третью, последнюю, часть моей диссертации.

Буду крайне признателен Вам за сообщение о том, по какому адресу я мог бы разыскать Вас в Ленинграде и когда, по времени, Вы смогли бы принять меня для личного доклада о работе над Кан Ю-вэем. Вы, видимо, находитесь сейчас в отпуску, и я, безусловно, не смею тревожить Вас до конца отпуска.

Остаюсь в ожидании Вашего ответа. Уважающий Вас С. Тихвинский.

P.S. Прошу Вас писать мне в Москву по адресу: МИД СССР. I-й Дальне-Восточный отдел. Кузнецкий мост, д. 26. Москва. Или же по адресу: Москва, Большая Садовая ул., д. 1/7, корпус «А», кв. 47. По последнему адресу я получаю корреспонденцию в течение отпуска.

10. 23 августа 1950 г., Москва

Многоуважаемый Василий Михайлович!

Я получил Ваше письмо, в котором Вы сообщили о том, что будете в Москве 17–18 августа, но, к сожалению, Вы не указали адреса, по которому я мог бы найти Вас. Все мои попытки разыскать Вас в Москве не увенчались успехом, и я вынужден снова беспокоить Вас письменно, с просьбой сообщить мне, где и когда я мог бы встретиться с Вами.

Я сейчас работаю в I-м ДВО МИД'а и не могу выехать в Ленинград в рабочее время. Единственным днем, который я мог бы посвятить встрече с Вами в Ленинграде, является воскресенье, но мне не хотелось бы отрывать Вас от отдыха. Если [же] Ваш приезд в Москву задерживается на неопределенное время, я хотел бы направить Вам по почте последнюю часть [своей] работы.

В ожидании Вашего приезда в Москву я побывал у тов. [С.Д.] Дылькова, нового ученого секретаря ИВАН'а¹⁷, который меня весьма озадачил, заявив, что из Ленинграда никто не сообщал о том, что я являюсь

докторантом-«безотрывником» (без отрыва от производства), и посоветовал мне написать Вам, чтобы все мои документы были из Ленинграда пересланы в Москву, в ИВАН.

Буду Вам весьма признателен за ответ и присылку в Москву подтверждения, что с августа 1945 г. по настоящее время являюсь докторантом ИВАН'а по китайскому сектору.

Уважающий Вас С. Тихвинский.

11. 14 января 1951 г., Москва

Здравствуйте, глубокоуважаемый Василий Михайлович!

Поздравляю Вас и Вашу семью с Новым годом и желаю Вам здоровья и исполнения всех Ваших желаний.

На днях возвратился в Москву из очередной командировки. Надеюсь, что на этот раз я смогу устроиться на постоянную и безвыездную работу в Москве.

Я уже успел побывать в ИВАН'е. Там меня вновь зачислили в докторантуру, поставив условием защиту диссертации к 1 мая с.г. Боюсь, успею ли уложиться в оставшийся срок.

Сегодня высылаю Вам окончание своей диссертации – третью часть. Направляю ее на Ваш суровый, но справедливый суд. Сам я, с Вашего разрешения, мог бы приезжать для консультаций с Вами только по воскресным дням, как только получу от Вас ответ.

Я очень признателен Вам за Ваше любезное письмо моей жене [Вере Никитичне]. Я ознакомился с ним и с предыдущим Вашим письмом, адресованным мне, только по возвращении в Москву и поэтому не мог на них [своевременно] ответить.

Уважающий Вас Сергей Тихвинский.

P.S. Если Вы собираетесь в Москву в ближайшее время, не смогли бы Вы сообщить мне предполагаемую дату Вашего приезда, чтобы я смог встретиться с Вами.

12. 18 марта 1951 г.

Здравствуйте, многоуважаемый Василий Михайлович!

Приношу Вам глубокую благодарность за исключительно высокую и лестную оценку моей скромной работы. Я все же надеюсь, что при более детальном ознакомлении с последней ее частью Вы найдете в ней немало упущений, как и в первых двух частях.

Сейчас я снова с головой ушел в повседневную работу по линии Министерства [иностранных дел], которая отнимает все время и все внимание. Только изредка, по несколько раз в неделю, мне удается вечерами выкраивать один-два часа для своих научных занятий.

Все три части рукописи я дал на просмотр Е.М. Жукову, который положительно отозвался о ней и согласился быть моим оппонентом. В то же время Е.М. (Евгений Михайлович Жуков) порекомендовал предварительно показать академику Волгину первую и вторую части работы, поскольку последний является авторитетом в части всякого рода утопических теорий.

Если с Вашей стороны, Василий Михайлович, не будет возражений, я бы просил Вас прислать мне по почте заказной бандеролью хранящиеся у Вас экземпляры первой и второй частей работы. Я был бы Вам также очень признателен, если бы Вы смогли от себя написать краткое рекомендательное письмо академику Волгину с оценкой синологических качеств первых двух частей диссертации.

В ближайшее время я заканчиваю автореферат по диссертации и вышлю его незамедлительно. Прошу Вас, если позволит Ваше здоровье, помочь мне в правильном распределении света и теней в автореферате.

Наталья Михайловна (супруга В.М. Алексеева) в своем любезном письме советует мне ориентироваться на кого-нибудь другого [научного руководителя], но я все же очень просил бы Вас, Василий Михайлович, помочь мне до конца в этой работе, доведя ее до защиты. Я надеюсь, что с наступлением весенних дней Ваше здоровье укрепитя и к Вам вновь вернутся былые силы.

Я прошу Вас передать сердечный привет Наталии Михайловне и дочкам. Вера Никитична вместе со мной желает Вам скорейшего и полного выздоровления, благодарит Вас за внимание и шлет Вам и Наталии Михайловне самые лучшие пожелания.

Ваш С. Тихвинский.

Телеграмма С.Л. Тихвинского (из Москвы) акад. В.М. Алексееву (с ленинградским штемпелем от 29 апреля 1951 г.)

Поздравляю Вас, [супругу] Наталию Михайловну [с] Первомаем. Желаю [Вам] поскорее поправиться. Ваш ученик Сергей Тихвинский.

Приведенная выше телеграмма оказалась последним документом в переписке С.Л. Тихвинского со своим учителем и наставником: 13 мая 1951 г. газета «Ленинградская правда» сообщила о кончине патриарха отечественной китаистики – академика В.М. Алексеева.

Ознакомление с приведенными выше письмами С.Л. Тихвинского позволяет, на наш взгляд, сделать два важных вывода. Во-первых, необходимо подчеркнуть непреходящий характер их самостоятельной ценности для истории как документальных свидетельств очевидца китаиста-дипломата о великих событиях в столице Китая, предшествовавших провозглашению здесь 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики, отмечающей в ближайшем будущем свое славное 60-летие. Во-вторых, эти письма пронизаны страстным, неистребимым желанием молодого исследователя достичь осуществления поставленной цели в деле подготовки диссертации, что открывало ему путь к новым свершениям в области китаеведения. Это, как и последующая активная научная деятельность С.Л. Тихвинского, являет собой блестящий пример преданности науке, достойный образец для молодого поколения китаистов, вступающего на путь самостоятельного научного поиска.

Разумеется, для более полной оценки писем молодого начинающего ученого необходимо рассматривать их в тесной связи с ответами на них

акад. В.М. Алексеева, которые публиковались дважды – в статье А.С. Ипатовой в журнале «Проблемы Дальнего Востока» (2000, № 6, с. 123–139) и в книге, посвященной 70-летию акад. В.С. Мясникова (см.: Восток–Россия–Запад. История и культурологические исследования. М., 2001, с. 360–378).

Примечания

¹ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1945, д. 44.

² Как видно из анкеты, заполненной С.Л. Тихвинским 17 июля 1957 г., в составе его семьи указаны: «отец – Тихвинский Леонид Дмитриевич, 1884 г. рожд., уроженец Ростова (Великого) Ярославской области, умер в 1948 г. в Ленинграде; мать – Тихвинская Кира Андреевна, 1886 г. рожд., уроженка С.-Петербурга, фельдшер, умерла в 1946 г. в Москве; жена – Березина Вера Никитична, 1918 г. рожд., уроженка дер. Филатово Савушинского сельсовета Калининской области, домохозяйка».

Дополнительные сведения о переменах в составе семьи указаны С.Л. Тихвинским в автобиографии, написанной 16 мая 1966 г., где сказано: «Женат на Тихвинской Вере Никитичне, 1918 г. рожд., русской, домохозяйке. Имею двух детей: дочь Наталию, 1947 г. рожд., и сына Сергея, 1949 г. рожд.». См.: Архив ИВ РАН. Личное дело С.Л. Тихвинского.

³ Цитируемый нами документ представляет собой выборочный и значительно сокращенный вариант перевода книги Го Мо-жо под названием «Сулянь цзисин» («Поездка по Советскому Союзу»), изданной в Шанхае в 1946 г. См.: ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1945, д. 44 (более 50 листов). Одновременно с этой книжкой Го Мо-жо печатались ее отдельные главы в шанхайском журнале «Шидай» (Эпоха), в частности в № 144 от 16 февраля 1946 г., где помещено интересное мнение китайского историка о том, что вопрос с Циньшихуане частью советских историков изучен как будто недостаточно глубоко.

Судя по всему, цитируемый нами перевод произведения Го Мо-жо был выполнен известным журналистом Владимиром Николаевичем Роговым (1906–1988), около 13 лет работавшим в качестве корреспондента ТАСС в Китае. Подробнее о нем см.: *А.Н. Хохлов*. Журналист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны (1937–1945) // Китайская философия и современная наука. М.: Самообразование, 2008, с. 87–95.

На принадлежность упомянутого русского перевода В.Н. Рогову указывает Го Мо-жо при переиздании своей первой книги о посещении СССР (в 1945 г.), но под другим названием – «Сулянь у-ши тянь» («50 дней в Советском Союзе»), опубликованной в 1949 г. в г. Дальний (Далянь). В предисловии к этой второй книге, написанной автором с учетом сокращений, сделанных В.Н. Роговым в русском переводе, Го Мо-жо, желая, очевидно, подчеркнуть ее актуальность для китайцев, признает, что знания об СССР в Китае действительно очень скудны из-за обилия в стране пропагандистской литературы, по духу враждебной Советскому Союзу. См.: *Го Мо-жо*. Сулянь у-ши тянь (50 дней в Советском Союзе). Далянь: Гуаньхуа шуцзюй, 1949 (август), с. 1.

⁴ Подробнее о разносторонней научной и общественной деятельности С.Л. Тихвинского в 60–70-е и последующие годы см.: Акад. РАН *В.С. Мясников*,

А.С. Ипатова, А.А. Волохова. Краткий очерк научной, дипломатической, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности // Сергей Леонидович Тихвинский. М.: Наука, 2000, с. 24–48 (Российская Академия Наук. Материалы для библиографии ученых).

⁵ При выдвижении С.Л. Тихвинского в члены-корреспонденты АН СССР в Институте востоковедения известный Китаист Г.В. Астафьев в своем отзыве от 16 мая 1966 г. отметил, что в 1950 г. С.Л. Тихвинский, тогда профессор и заведующий кафедрой в МГИМО при МИД СССР, ранее, в 1950 г., занимался преподавательской работой в стенах Пекинского университета.

⁶ Подробнее о Лазаре Исаевиче Думане см.: А.Н. Хохлов. Л.И. Думан: тернистый путь настоящего ученого // XXXVII научная конференция «Общество и государство в Китае». К 100-летию со дня рождения Лазаря Исаевича Думана. М.: Восточная литература, 2007, с. 3–23.

⁷ См.: Архив ИВ РАН. Личное дело С.Л. Тихвинского.

⁸ См.: СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 776, л. 1–18 (в целях экономии объема публикации не дается ссылка на лист или листаж каждого письма).

⁹ Николай Трофимович Федоренко – видный специалист по китайской литературе и писатель, известный Китаист-дипломат, в годы «холодной войны» представлявший интересы СССР в Организации Объединенных Наций. Подробнее о нем см.: Б.Л. Рифтин. Член-корреспондент РАН Николай Трофимович Федоренко (1912–2000) // Известия РАН, серия литературы и языка, 2001, т. 60, № 3, с. 76–78.

¹⁰ Юань Тун-ли (1895–1965) – крупный китайский специалист в области библиографии и книговедения, корреспондент В.М. Алексеева по книгообмену. Подробнее см.: А.Н. Хохлов. Директор Пекинской Национальной библиотеки Юань Тун-ли: поездка в СССР в 1934 г. и контакты с российскими Китаеведами (Из истории культурных связей России с Китаем в 30-х годах XX в.) // XXXV научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Восточная литература, 2005, с. 159–180.

¹¹ Речь идет о книгах и архиве известного российского этнографа Сергея Михайловича Широкогорова (1887–1939), автора ряда серьезных работ о народах тунгусо-маньчжурской группы, проживавших в бассейне Амура. Любопытную характеристику этому ученому дает газета «Гунбао» 7 августа 1931 г. в связи с его предстоящим приездом в Харбин: «В Парижском университете он окончил историко-филологический факультет, кроме того, антропологическую школу, а в Петербургском – физико-математический факультет, и в настоящее время он состоит членом многих ученых обществ: профессором Амойского университета и членом Института синологии, профессором Кантонского университета и членом китайской Академии наук, профессором [Института] „Цинхуа“, государственного университета и др. ...[Он] участвовал в 11 экспедициях в Забайкалье и Китае... в области общественных наук он проявил себя трудами по социальной организации маньчжуров... В ряде статей трактует вопросы происхождения шаманства...» Подробнее о биографии и научных трудах С.М. Широкогорова см.: Е.В. Ревуненкова, А.М. Решетов. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003, № 3, с. 100–119. Подробную библиографию его научных трудов подготовил Вильгельм Эмиль Мюльман (1904–1988) для некролога, опубликованного лишь после его смерти. См.: Этнографическое обозрение. 2002, № 1 (январь–февраль), с. 144–155.

С.М. Широкогоров скончался 19 октября 1939 г. в Пекине, где был похоронен при кладбище Российской духовной (православной) миссии. Судьба его научного архива, о чем упоминает С.Л. Тихвинский, до сих пор остается неизвестной. Что касается книг Широкогорова, возможно подаренных им Ю.Н. Рериху (1902–1960) либо лично приобретенных последним, то некоторые из них находятся в библиотеке Ю.Н. Рериха, подаренной Институту востоковедения РАН.

¹² Яков Яковлевич Брандт (1869–1946) – известный преподаватель китайского языка, немало способствовавший организации школ для китайцев и россиян в Китае. По его сведениям, сообщенным Н.И. Веселовскому, готовившему работу о выпускниках факультета восточных языков С.-Петербургского университета, он в 1880–1888 гг. обучался в Саратовской гимназии, после чего в 1888–1892 гг. на китайско-маньчжурско-монгольском разряде ФВЯ С.-Петербургского университета.

По окончании университета Я.Я. Брандт поступил в Министерство двора и уделов, где ему довелось служить в Симбирском и Алатырском уездных округах. В октябре 1901 г., с переходом на службу в Министерство финансов, его командировали в Китай, где он вскоре стал ст. преподавателем русско-китайской школы при Пекинском отделе КВЖД. Им была составлена и издана учебная хрестоматия для преподавания русского языка китайцам под названием «Почин», принятая во многих школах на Дальнем Востоке, а также в университетах Пекина и Тяньцзиня. См.: РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед. хр. 630, л. 56–57.

Я.Я. Брандт – сын потомственного дворянина, родился в Саратове 9 ноября 1869 г. Интересные сведения о Я.Я. Брандте сообщает в статье о С.М. Широкогорове А.М. Решетов, статья опубликована в журнале «Восточный архив» (№ 10, 2003, с. 3–11). Перечисляя основные труды профессора китайского института русского языка и литературы, автор сообщает о том, что в 1909 г. Общество русских ориенталистов издало работу Я.Я. Брандта «Вдовствующая императрица Цыси и император Гуансюй». Касаясь его последующей деятельности в 30-е годы, А.М. Решетов упоминает, что Я.Я. Брандт печатался в журнале «Вестник Азии», а также в «Вестнике Китая», журнале, издаваемом кружком китаеведов Тяньцзиня. В качестве даты кончины Брандта А.М. Решетов называет 1944 год, что расходится со свидетельством о его смерти, приводимым С.Л. Тихвинским в письме к В.М. Алексееву от 17 февраля 1946 г., где говорится, что Брандт скончался в январе 1946 г.

¹³ Борис Иванович Панкратов (1892–1979) – известный китаевед и монголовед, родился 29 февраля 1892 г. в Костроме в семье крестьянина (дата рождения найдена в метрической книге Благовещенского собора, хранящейся в ЗАГС'е г. Костромы). Согласно данным государственного архива Костромской области, он в 1903–1910 гг. окончил полный курс в местном реальном училище, после чего с августа 1910 г. по 4 июня 1911 г. занимался в дополнительном классе указанного училища. См.: ГАКО, ф. 408, оп. 1, д. 237, л. 48; д. 389, л. 4; оп. 2, д. 16, л. 244.

С 1911 по 1916 г. Б.И. Панкратов учился в Восточном институте во Владивостоке (а не на факультете восточных языков С.-Петербургского университета, как иногда пишут некоторые авторы). См.: ЦГАДВ, ф. 226, оп. 1, д. 276, л. 1. В мае 1912 г. он, будучи студентом 2-го курса Восточного Института, ездил в Монголию. См.: там же, д. 276.

По окончании Восточного института Б.И. Панкратова оставили при кафедре монгольской словесности для преподавания монгольского и маньчжурского языков.

В 1918 г. его командировали в Китай, сначала в Ханькоу, где он преподавал русский язык, а затем в Пекин, где он оставался до 1935 г. Являясь сотрудником РОСТА (с 1924 г.) и консультантом в Посольстве СССР, он одновременно преподавал русский язык в Пекинском университете. В 20-х годах появился первый вариант его перевода «Секретной истории монголов», основанного на реконструкции монгольского текста по китайской транскрипции. В 1935–1942 гг. он, будучи сотрудником Монгольского кабинета Института востоковедения АН СССР, преподавал монгольский, китайский и маньчжурский языки в ЛГУ и ЛВИ (Ленинградском восточном институте). После дипломатической службы в Китае в 1942–1948 гг. его интересы по возвращении в Ленинград сосредоточились на работе по описанию фонда восточных рукописей Института востоковедения, в результате чего в 1951 г. появился подготовленный им список китайских рукописей. В 1962 г. ему удалось опубликовать уникальный текст «Секретной истории монголов», над переводом которого он продолжал трудиться после выхода на пенсию в 1963 г. Подробнее см.: *Р.В. Вяткин, Л.П. Делюсин, Ю.Л. Кроль*. Памяти Б.И. Панкратова // Народы Азии и Африки. 1980, № 3, с. 249–250; *Ю.Л. Кроль*. Борис Иванович Панкратов (Зарисовки к портрету учителя) // Страны и народы Востока. Вып. 26. Средняя и Центральная Азия. Кн. 3. М., 1989, с. 89–100.

¹⁴ Как и С.Л. Тихвинский и Н.Т. Федоренко (сотрудники Посольства СССР в Чунцине), Б.И. Панкратов принимал активное участие в приобретении китайской литературы для В.М. Алексеева. Так, в письме от 19 августа 1946 г. из Пекина он сообщал В.М. Алексееву: «Одновременно с этим письмом посылаю Вам через ВОКС только что вышедший китайско-англо-французский словарь. Может быть, пригодится для Вашей работы по составлению китайско-русского словаря. Сергей Леонидович намеревается с этой почтой отправить Вам последние китайские газеты». См.: СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 605, л. 6.

¹⁵ Ма Хэн (1881–1955) – китайский историк, специалист по древней истории Китая, уроженец провинции Чжэцзян. В 1901 г. он окончил в Шанхае институт («Наньян гунсюэ»), после чего занялся активным изучением китайских древностей. В 1917 г. его пригласили лектором в Пекинский университет, где в 1923 г. он стал профессором исторического факультета; преподавал также в «Цинхуа дасюэ», педагогическом институте и других столичных вузах. После поездки с археологической экспедицией в г. Лоян на раскопки его в сентябре 1925 г. назначили членом Правления исторического музея «Гугун» в Пекине, где он впоследствии занял пост зам. директора.

В период антияпонской войны 1937–1945 гг. он занимался транспортировкой экспонатов Нанкинского филиала Гугуна в глубь провинций Гуйчжоу и Сычуань, чтобы сохранить исторические ценности Китая. Лишь в декабре 1947 г. он вернулся в Нанкин. После образования КНР в 1949 г. его назначили директором «Гугуна», и в этой должности он находился до 1953 г., когда ему пришлось оставить службу по болезни. Ма Хэн скончался 26 марта 1955 г. в возрасте 74 лет, оставив после себя ряд ценных публикаций по наиболее древнему периоду китайской истории (в том числе связанных с дешифровкой надписей на бронзе). См.: Миньго жэньминь да цыдянь (Большой словарь персоналий периода (Китайской) Республики). Шицзячжуан, Хэбэй жэньминь чубаньше, 1991, с. 671.

¹⁶ Василий Павлович Илюшечкин (1915–1995) – видный историк, специалист по новой и новейшей истории Китая, родился в семье крестьянина в с. Починки Лукояновского уезда Нижегородской губернии. В 1939 г. он окончил исторический факультет МГУ, с 1950 г. – научный сотрудник Института востоковедения АН СССР. В.П. Илюшечкин принимал активное участие в подготовке «Новой истории Китая», вышедшей в 1972 г. под редакцией и при личном участии в написании соответствующих глав С.Л. Тихвинского. Он – автор книги «Крестьянская война тайпинов» (в двух томах), написанной на основе докторской диссертации. Список его основных научных трудов см.: Народы Азии и Африки. 1985, № 6, с. 201–202 (Перечень 33 книг и статей за 1975–1985 гг., составленный С.Д. Милибанд).

¹⁷ Дылыков Сандже Данцигович (1912–1999) – известный монголовед, родился 2(15) мая 1912 г. в с. Харашибирь Верхнеудинского округа Забайкальской области в семье крестьянина. Заочно окончил Восточный институт во Владивостоке, до 1934 г. преподавал в Восточном институте в Ленинграде. После переезда в Москву в 1938 г. он стал сотрудником Института востоковедения АН СССР. В 1950–1953 гг. выполнял обязанности ученого секретаря Института востоковедения, а с 1955 г. – заведующего сектором Монголии.

Одна из его первых печатных работ, «Демократическое движение монгольского народа в Китае. Очерк истории» (М., 1953), была опубликована в 1954 г. в Улан-Баторе, на монгольском языке, а в 1955 г. – в Пекине, на китайском. Особенно значителен его вклад в издание памятников позднесредневекового монгольского феодального права – «Халха джирум» (М., 1965) и «Их цааз» (М., 1981). Подробнее о нем см.: *В.В. Грайворонский*. К 80-летию со дня рождения С.Д. Дылыкова // Восток, 1993, № 4, с. 208–209.

Принятые сокращения названий архивов

1. Архив ИВ РАН	– Архив Института востоковедения Российской академии наук
2. ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
3. ГАКО	– Государственный архив Костромской области
4. РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
5. СПб. филиал АРАН	– С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
6. ЦГАДВ	– Центральный государственный архив Дальнего Востока (Томск–Владивосток)